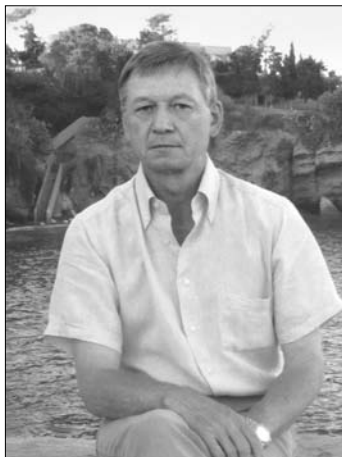

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

ВСЯ НАША ЖИЗНЬ — В ЛЮБВИ...

ПРЕД ВЕЧНЫМ НЕБОМ

Дождь перестал, как я услышал —
по тишине глухой на крыше,
ещё бы ветер с гор не дул...
Не много ли опять хочу я,
стихом высоким жизнь врачуя —
под уходящий в небо гул.

А разве половиной сердца
стихи, достойные бессмертья,
сумеет кто-нибудь сложить?
Конечно — нет! И он в природе,
пусть до конца хоть в непогоде,
живёт себе — как хочет жить.

Но чтоб сполна в моё оконце
с утра пораньше лилось солнце,
вливаясь в душу, как в раю,
а вместе с ним — и птичий гомон,
которым так я очарован,
что сам, набравшись сил, пою.

Так я хочу, и так — бывает...
Но только Бог определяет
всё — даже миг и блеск зарниц.
Поэтому — душою строгой
я каждый день взываю к Богу, —
упав пред небом вечным — ниц.

СТАРАЯ ДЕРЕВНЯ

Вот она — лежит, как на ладони, —
на вершине, до сих пор жива...
Старая, ещё, наверно, помнит
византийцев чуждые слова.

Многие дома стоят — открыты,
день да ночь их только сторожат...
За деревней кладбище разбито,
где почти все жители лежат.

Пусть земля им, Боже, будет пухом...
Пусть царит в деревне забвенье...
Но не раз, не два — по здешним слухам —
разорить пытался враг её.

Ветер векового запустенья
бьёт дверьми и створками окна...
За помин твой, старая деревня,
с грустью выпью доброго вина.

* * *

По закрайкам утиных болот
вот и выпал серебряный иней.
И сполна побелел небосвод,
ещё утром казавшийся синим.

Горный воздух заметно остыл,
но тихи и светлы ещё ночи,
только что-то я вдруг загрустил
и не рад поэтической строчке.

Ничего тут не скажешь — пора
наступила в природе такая...
То-то будет ещё, как с утра
снег закружит метель молодая...

* * *

Пусть душу страх не беспокоит,
что в первый раз так далеко
зашёл я в лес, где терпкой хвои
напиток пью, — как молоко...

Да, человека нету рядом...
Но сколько — посмотри скорей! —
скворцов, чьи души на порядок
добрей, чем у иных людей.

* * *

Вновь птахи, обживая сад,
подняли вдруг переполох:
то ястреб прилетел — вот гад! —
и ищет жертву...
Чтоб он сдох!

И — сдохнет! —
даже не вскричит...
Мне только надо взять ружьё...
Но слышу — небо говорит:
“Брат, это дело — не твоё...”

* * *

Жизнь моя — то зной, то холод,
непростая жизнь, хоть плачь.
Но в любви я вечно молод:
верен, искренен, горяч!

Пусть душа твоя поплачет,
что ревнив до злости я...
Я — люблю! И это значит,
что и в смерти ты — моя!

Ветер-коршун в поднебесье
разгоняет нудный дождь...
Ты вернёшься — я воскресну,
но умру — коль вновь уйдёшь.

* * *

Под плеск волны и крики чаек
сижу за столиком — с тобой,
в которой я души не чаю,
с которой верую в любовь!

Немного душно, хоть и дует
прохладный, шелковистый бриз.
И в небе, где луна колдует,
созвездья первые зажглись.

Пора домой... но в этот вечер
глаз от тебя не оторву...
Как будто повстречал я вечность,
как будто в вечности — живу!..

* * *

Песок да ил со дна морского
подняли волны, теша злость...
И жгучее до боли слово
застряло в горле, словно кость.

Ведь я охотиться собрался —
с утра пораньше, у камней,
где мне не раз уже встречался
косяк проворных окуней.

Но всё равно, как у корыта
разбитого, мне слёз не лить —
морская даль всегда открыта,
чтоб ей навстречу плыть и плыть...

Эй, малый, подгони-ка лодку,
дай понадёжнее весло!
Ух, погребу я вновь в охотку —
волне неистойвой назло...

Всю страсть души, всю волю сердца
вложу в движенье, чтоб жизнь
вслед за душою, как в бессмертье,
летела и летела — ввысь.

Да, я такой неугомонный,
меня сломать и чёрт не смог,
поскольку, хмурясь недовольно,
мне всё же помогает Бог.

* * *

Вот оно — прекрасное — мгновенье!
Над землёй с горящим опереньем
солнце птицей в облаках кружит.
Обо всём на свете забывая,
я ему молюсь за радость края,
где душа — стихами говорит...

Я для солнца, словно червь, ничтожен!
Да, ничтожен, ну, и что же, что же!
Пусть оно попробует хоть раз,
как стихами я, сияньем зримым
вызволить из смерти жизнь любимой,
чьи глаза любых прекрасней глаз!

* * *

О, эти ночи, эти ночи!
Когда во тьме душой тону,
вновь столько горя мне пророчат,
что глаз до света не сомкну!

И как ребёнок, плачу горько, —
в бессилье что-то изменить.
А тьма глухая смотрит волком,
готовая со мной завывать...

КРИТСКАЯ БАЛЛАДА

Штормит, но не так, чтобы очень...
Но — очень хочу по волнам
уплыть, как мой предок, на коче
к далёким, чужим берегам.

Но жаль: исполненье желанья
придётся на год отложить —
настала пора расставанья
с землёю, что не разлюбить...

И как в этом случае часто
бывает, зайду в “Семь морей”.
Бармен, надо выпить за счастье!
Неси всё подряд и живей!..

И сам не замечу, что к водке
я вновь от вина перейду...
Ах, что за закуска — селёдка?!
Такой вряд ли дома найду.

С чего так печальна гитара
в руках твоих быстрых, цыган?!
Давай — наше русское, с жаром, —
покамест я в доску не пьян!

Швыряю цветастые евро,
к ним руки цыган потянул, —
и — словно за самые нервы, —
гитарные струны рванул!

И выдал на свет, мать честная,
такую вдруг радость-игру,
что вспомнилась жизнь золотая,
забылось, что всё же — умру...

От чудной игры — в полумраке,
в сигарном дыму, как навек,
не помню, плясал я иль плакал,
но помню, что был человек!..

И пел я про чёрные очи,
которых — вовек не забыть...
И море не то, чтобы очень,
но всё же пыталось штормить.

ГИМН СЕМЬЕ

Всё кончено! Прощай! А может, может, только —
всё начинается, ведь нам с тобою толком
друг друга не понять, — так взвинчены душой
вопросом: кто кому за муки должен больше...
Ах, что за ерунда! Позора нету горше!
И жизнь, как никогда, пугает нас бедой...

Но знаю, как душой ни взвинчены мы в спорах,
вся наша жизнь — в любви, горящей, словно порох,
на протяжении всех высоких, звёздных лет!
И как в любви — без мук? Никак! Но в жизни надо
не помнить долго их... А вот любви отраду —
упрямо вспомнить, как сердцем вешний свет!

На радости святой — навек узлом навязан
смысл той семьи людской, которой не заказан
путь в будущее, где — хотим мы, не хотим —
а будем жить мудрей: друг в друге видеть друга,
а не врага на час, когда рвёт души мука —
и мы в сердцах с тобой чёрт знает что творим!

ЧЁРНАЯ СОЛЬ

Не думал я... И — думать не хочу
о жизни, пролетевшей, словно ветер.
Теперь бы мне немного первачу,
да и уснуть, забыв о всём на свете.

А что ещё я предложить горазд
своей душе, спалённой напрочь болью, —
ведь это время, если не предаст,
то раны мне посыплет чёрной солью.

* * *

Что за мука! — я снова не умер!
Хотя всё говорило о том:
и — сигналящий холодно зуммер,
и — гремящий неистово гром.

Не везёт... а давно надоело
в душу горестной жизни смотреть.
Будто кончилось доброе дело —
и осталось о прошлом жалеть...

Говорят, что я гений... Что толку,
если руку мне жмут дураки,
что болтают себе без умолку,
аж протёрли до дыр языки...

От судьбы ничего не желаю,
ибо всё, что мечталось, пропел...
Никого не люблю... но прощаю
даже тех, кто меня не жалел...

И летает меж твердью небесной
и земной беспокойная весть,
что пришедшая в старости песня —
это чуть ли не юности месть...

Пусть однажды помру и не охну,
но заветный оставшийся стих
не осудит ни жизнь, ни эпоху,
ведь я всё-таки — выкормыш их.

СЫН РУССКОГО ПРОСТОНАРОДЬЯ

Внук столыпинского крестьянина, поселившегося в начале XX века в Якутии, и сын школьного учителя советской эпохи, солдата Великой Отечественной, Иван Переверзин родился и вырос на просторах Восточной Сибири, изрезанных многоводными реками, текущими вдоль сопок, обросших тайгой, изобилующей зверем и птицей. Естественно, что эта вольная, но трудная для жизни земля сформировала его, как человека.

Терпи, мужик, твоя судьба не зряшна,
Ты сам для жизни место выбирал,
Тебе не раз в тайге бывало страшно,
Лицо мороз до мяса обдирал.

Зато какие будут перемены!
Дождясь весны, прими, как Божий дар,
Синичье пенье, плеск и шёпот Лены,
Сосновый несмываемый загар.

Этот загар до сих пор лежит на лице поэта, которого с юных лет жизнь научила косить траву, вершить стога, натаскивать на зверя собак, корчевать новину, рубить избы, ставить фундаменты, плести корзины, трелевать лес, добывать тайменя и соболя. Полжизни он отдал земным трудам, которые не помешали, а, наоборот, помогли ему почувствовать себя поэтом.

А я всего-то, видит Бог,
любить взахлёб хотел
и ширь полей, и санный стог,
и звёздный запредел.

“Терпи, мужик” – как тут не вспомнить поучение великого Некрасова либералам своей эпохи: “Эту привычку к труду благородную нам бы не худо с тобой перенять, благослови же работу народную и научись мужика уважать!” Вечно живые слова. . .

Переверзин всегда верил, что главная страница его судьбы ещё впереди, и первый шаг к ней сделал в 1969 году, когда стихи семнадцатилетнего девятиклассника были напечатаны в районной газете “Ленский коммунист”. А когда в роковом 1991 году в Якутске вышла его первая книга “Откровение дней” и ее по счастливой случайности прочитал Валентин Распутин, то с его одобрения Переверзина приняли в Союз писателей России.

В 1994 году бригада “Нашего современника” прилетела в Якутию, Переверзин познакомился со Станиславом Куняевым, Сергеем Бабуриным, Юрием Кузнецовым, Александром Казинцевым, Татьяной Петровой, Геннадием Касмыниным и с тех пор стал желанным поэтом для лучшего толстого журнала России. Вскоре Юрий Кузнецов пригласил его на Высшие литературные курсы института имени А. М. Горького в свой знаменитый поэтический семинар, великую школу которого благодарный поэт будет помнить всю жизнь.

Сибирские полки, в составе которых воевал отец Переверзина, спасли в 1941–1942 годах Москву и Сталинград. Появление его сына в столице обогатило веяньем свежего сибирского зимнего ветра современную поэзию, во многом погрязшую в тусовочных страстишках, в русскоязычной иронической болтовне, в кастовом либеральном высокомерии и выморочном постмодернизме – во всём том, что выдавливают из себя, как писал Юрий Кузнецов, “певцы своей узды, и шифровальщики пустот, и общих мест дрозды”.

Когда-то Осип Мандельштам мечтал о “крупнозернистой жизни в поэзии”. Но такая жизнь может пульсировать лишь в стихах поэтов простонародного мировоззрения с его “открытыми” чувствами:

“Только нет мне от века дороже / наших встреч на морозе зимой... / Взгляд поднимет она, и по коже / Будто вихрь пролетит огневой”. Постмодернизм так писать о любви не умеет. Природа, Любовь, Работа, Красота, Вера – вот “крупнозернистые” стихии, живущие в поэзии Переверзина. Но не только они. В 1993 году он, находившийся в далёком Ленске, своим русским сердцем понял вершившуюся в столице России под залпы танковых орудий трагедию, которую с глумливым восторгом, словно театральный фарс, приветствовали лакейские стихотворцы кровожадной либеральной тусовки и подписанты позорного “расстрельного письма”.

“Наступит ночь, окна коснётся тень, / И развернётся чёрная страница. / Вот загнан я, как северный олень, / Вот словлен я, как утренняя птица. / Спасенья нет сознанию моему, / Оно в тисках печали и тревоги... / Кому я верил, те ушли во тьму, / Никто не задержался на пороге. / А новые не знают, что творят, / Им всё равно – что человек, что свёк-

ла. / Когда ударил танковый снаряд, / По всей России вылетели стёкла. / Народ нельзя при помощи полков / Загнать в свободу, – знаешь ли, тупица? / Я вырвусь сам оленем из оков, / Я сам взлечу, как утренняя птица!” Эти стихи стоят на водоразделе нынешнего народного сознания. . .

У Переверзина почти нет стихотворений, в которых не ощущалось бы “дуновение вдохновения” (М. Цветаева).

За десять с лишним лет жизни в Москве Переверзин стал поэтом, известным всей России, насколько это возможно в наше время всеобщего одичания. Он издал несколько стихотворных книг, переведённых в Болгарии, в Армении, в Украине, во Франции – везде, где хотят ещё знать литературные имена новой России. Композитор Александр Морозов, прославившийся музыкальным циклом на слова Рубцова, написал и на стихи Переверзина множество прекрасных романсов. Благодаря опыту и энергии этого человека, который, сочиняя стихи, одновременно учился руководить людскими коллективами на многих должностях – от директора совхоза до заместителя главы администрации района размерами с Бельгию, обрели новую жизнь совсем было угасавшие писательские структуры – Международный Литфонд, Российский Литфонд, Международный Союз писателей. . .

Знаменательна судьба трёх поколений семьи Переверзиных в XX веке; дед – стольпинский крестьянин, отец – сельский учитель и воин, кончивший войну капитаном при штабе Георгия Жукова, их сын и внук – истинный поэт и одновременно один из самых талантливых в наше время устроителей писательской жизни. Вот они – вехи Великого русско-советского пути людей нашего простонародья. . .

Станислав КУНЯЕВ

Поздравляем Ивана Переверзина с 60-летием!